

УДК 165.62

Е.И. Жук

магистр филос. наук, аспирант каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: Zhuke93@gmail.com

ПРОБЛЕМА МОЛЧАНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЯЗЫКА МОРИСА МЕРЛО-ПОНТИ

Принципиальным для Мерло-Понти представляется указание на то, что молчание является осмысленным как акт признания того, что конечное человеческое сознание неспособно проникнуть в глубинные тайны «плоти мира» и Другого. Осознанное молчание как модус использования языка предстает актом примирения человека с судьбой заброшенного в мир существа, сознание которого пытается вырваться за рамки конечного телесного существования, остающегося не столько «тюрьмой», сколько почвой, из которой произрастают все активности включая познавательную. Специфика понимания молчания у М. Мерло-Понти отражена сквозь переход от описания его полемики с картезианской традицией в ее невнимании к единству речи и Cogito к соотнесению ситуаций непроговариваемого и феномена молчания. Это приводит к обозрению онтологии мира, выстраиваемой в попытке преодоления субъект-объектной оппозиции в исследовании восприятия и утверждении изначального переплетения Я, Другого и Мира, воспринимающего и воспринимаемого, молчания и речи.

Введение

Целью статьи является содержательная реконструкция проблемы молчания в интерпретации Мориса Мерло-Понти, которая наиболее существенно представлена в его незавершенном труде «Видимое и невидимое» и является составной частью его феноменологической концепции языка. В экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти концепция языка органично вплетается в контекст фундаментальных проблем человеческого бытия и обладает ярко выраженной онтологической ориентацией.

Задачи статьи – обоснование отождествления речи и Cogito в философии М. Мерло-Понти; анализ понятия «непроговариваемого»; демонстрация того, что реконструкция такого специального аспекта феноменологии языка, как проблема молчания, позволяет перейти к обозрению онтологии мира, выстраиваемой М. Мерло-Понти.

В качестве основных источников использованы наиболее известный труд М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия», в котором представлены базовые для его феноменологии языка рассуждения о языковом характере Cogito и укорененности языковой способности в человеческой телесности, а также его незавершенная книга «Видимое и невидимое», представляющая собой новый этап в творчестве мыслителя.

Отождествление речи и Cogito в философии М. Мерло-Понти

В «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти утверждает изначальное единство языка и мышления и, рассуждая о картезианском Cogito, критикует Р. Декарта, а также всю последующую традицию классической философской мысли за невнимание к значимости языка. Можно сказать, что до свершения лингвистического поворота в философии (конец XIX – начало XX в.) язык не воспринимался философами как подлинная проблема. О нем либо вовсе умалчивали, либо признавали его результатом конвенции. В любом случае в философии Нового времени язык полагался вторичным по отношению к мысли, так как был всегда лишь ее «овнешнением». Разум, таким образом, считался естественно присущим человеку познавательным инструментом. Именно разум руководил человеческим отношением к миру, конструируя смыслы о мире на пути к истине, а язык был лишь посредником в общении с другими. Притом посредником, всегда уже бывшим на своем месте по необходимости. М. Мерло-Понти пишет, что Р. Де-

карт обращается к уже говорящему субъекту. Разум понимается в контексте картезианских размышлений как наша общая природная способность, а язык – как общеизвестный инструмент передачи истин разума. М. Мерло-Понти задается вопросом, отделено ли в действительности *Cogito* от языка, и дает на него отрицательный ответ.

Он начинает с того, что в «Феноменологии восприятия» говорит о значимости слова и речи в отношении человеческого опыта. Уже здесь М. Мерло-Понти утверждает, что мысль и речь существуют в слитности и речь сама несет в себе смысл. Именно этот смысл вызывает Другого к общению. Суть отождествления речи и *Cogito* состоит в том, что речь перестает считаться простым знаком, «овнешнением» мысли, а понимается как ее осуществление. М. Мерло-Понти говорит о неизбывном человеческом стремлении к называнию вещей, которые кажутся неопределенными, пока мы не подберем им имя. Это происходит оттого, что наименование и является узнаванием вещи, постижением объекта в процессе «нагружения» его смыслом. Точно так же писатель «узнает» сюжет своей книги в процессе ее написания, потому что мысль не идет на шаг впереди речи, но сама есть речь. набросок сюжета, занимающий пару страниц, и является авторскими мыслями насчет него, которые углубятся далее в процессе размышления, равняющегося написанию.

Для М. Мерло-Понти смысл, речь могут существовать только тогда, когда они обращены к Другому: «когда Другой удерживает противоположный конец трости, которой я ощупываю мир». Именно так надстраивается культурный мир над миром человеческим, Другой – это самый первый культурный объект. Если бы мысль существовала каким-то образом вне речи, то она никогда не могла бы быть передана Другому и никогда не была бы действительно нагруженной смыслом. Здесь следует сказать о непреходящей ценности языка для человеческого сообщества, которая состоит в том, что именно речь – «это момент, когда еще молчащая и постоянно актуальная сигнификативная интенция обнаруживает себя способной включиться в культуру, мою собственную и культуру Другого, дать мне и ему форму, трансформируя смысл культурного инструментария» [1, с. 104].

В первой из своих крупных работ «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти направляет наше внимание на феномен восприятия как основу человеческого отношения с миром, основу всех наших актов. Интенции, которые населяют мое тело, сходны с интенциями Другого, однако это не дает нам возможности обменяться восприятиями. Мы можем лишь предположить, что ощущения «шершавости» для наших пальцев похожи, но мы не в состоянии передать свой «опыт шершавости» Другому. Надо полагать, именно поэтому в более поздних работах М. Мерло-Понти серьезно углубляется в языковую проблематику. Феномен речи действительно напрямую выводит нас к интерсубъективности, давая возможность говорить о культурном, очеловеченном мире.

Следует прояснить еще один момент. Язык часто действительно кажется нам лишь инструментом, внешним приложением к нашей мысли – мы утрачиваем ощущение самобытности и силы языка. Это происходит во многом оттого, что наша повседневная жизнь заполнена устоявшимися, сформированными значениями: «Мы живем в мире, где речь учреждена» [2, с. 240]. Из-за привычности многих значений у нас есть возможность пользоваться ими не задумываясь. Даже когда мы вслушиваемся в «аутентичную речь», когда смысл, осуществляемый в ней, превосходит уже сформировавшееся поле смыслов, мы позволяем себе забыть о могуществе этой речи. В речи смысл обнажает для нас ситуацию, и язык отступает на задний план, заставляет нас с головой уйти в очарованность открывшимися новыми измерениями: «Чудо языка состоит в том, что он заставляет забыть о себе: я слежу глазами за линиями на бумаге, но с того момента, как меня захватывает то, что они обозначают, я их перестаю видеть» [2, с. 509]. Речевая способность таится в самой глубине нашего существа, непрестанно приходит

на помощь нашей интенции означивания и сама растворяет свое могущество, концентрируя наше внимание на раскрывающем горизонты смысле. Итак, произносимая речь и есть сама мысль, а мысль всегда есть речь – не существует бессловесного Cogito. Но всеобъемлющ ли язык, или есть все же некий мир безмолвия? Может ли речь, а значит, наша мысль объять весь мир, в котором мы живем?

«Предмет из проволоки»: вещь и непроговариваемое

В «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти еще допускает существование бессловесного Cogito. Однако это не означает, что у бессловесности отобраны все регаллии и что альтернативы молчания как особого модуса использования языка не существует. В «Видимом и невидимом» появляются пассажи о некоем «молчании восприятия», которое можно назвать «предметом из проволоки» [3, с. 349]. Там же М. Мерло-Понти пишет о том, что необходимо прояснить проблему «молчаливого и говорящего Cogito». Он пишет о наивности молчаливого Cogito, считающего себя «адекватностью молчаливого сознания, тогда как само описание его молчания целиком и полностью опирается на способности языка» [3, с. 255]. Однако отмечает он и наивность Декарта, обращающегося к уже говорящему субъекту и не думающего о возможности молчаливого Cogito.

Таким образом, несмотря на окончательное отождествление мышления и речи, М. Мерло-Понти все же хочет обратить наше внимание на существование неких иных ситуаций, которые не выражены в языке. В «Видимом и невидимом» помимо упоминания «молчаливого и говорящего Cogito» указывается, что «необходимо молчание, которое снова окутает речь» [3, с. 255]. В «Феноменологии восприятия» сказано, что есть некое доязыковое Cogito, и оно названо «бессловесным» [2, с. 511]. Сам М. Мерло-Понти в «Видимом и невидимом» опровергает свою точку зрения по этому вопросу, изложенную в «Феноменологии восприятия», а значит, остается в той же проблематике. Следует предположить, что в русском переводе «Видимого и невидимого» напрасно использовано лишь одно слово – «молчание» – при наименовании двух нетождественных феноменов. М. Мерло-Понти говорит в этой книге о том, что язык не присутствует изначально в нашей сплетенности с миром, как полагал Р. Декарт, и эта ситуация замещает собой выражение «бессловесное Cogito», использованное в «Феноменологии восприятия». Кроме того, М. Мерло-Понти пишет о втором отсутствии языка, которое должно прийти к нам, уже существующим в языковом мире. Представляется, что два этих «отсутствия» языка в человеческом опыте отличны друг от друга и должны быть обозначены двумя терминами, а не одним. Стоит предположить, что слова «бессловесность» и «молчание» прекрасно подойдут для называния двух различных ситуаций, о которых, как нам кажется, хочет сказать М. Мерло-Понти.

Он пишет, что Р. Декарт был наивен, не озаботившись проблемой языка. Известно также, что сам М. Мерло-Понти пришел к выводу о невозможности существования мысли вне языка. Что же он хочет сказать, упрекая Р. Декарта в наивности; чего не заметил Р. Декарт за «всесилием» положения «Cogito ergo sum»? В «Видимом и невидимом» М. Мерло-Понти упоминает предмет из проволоки, про который нельзя сказать, сколько у него сторон или что это конкретно такое, но, тем не менее, он находится тут, рядом с нами. Представляется, что философ сравнивает такой предмет именно с «бессловесностью восприятия». Это бессловесность нашей тесной онтологической связи с миром – нечто, чего не замечает мышление, посчитавшее себя всеобъемлющим, нечто, чего не заметил Р. Декарт. Поскольку М. Мерло-Понти отождествляет речь и мышление, следует предположить, что «бессловесность» есть одновременно «немыслимость». По-видимому, он говорит не о ситуации, которая является еще не высказанной, а о ситуации, которая в принципе не может быть высказана и промыслена. В эссе

«О феноменологии языка» он пишет: «Для говорящего субъекта выражать значит осознавать. Причем он выражает нечто не только для других, но также и для того, чтобы самому знать, что же, собственно, он имеет в виду» [1, с. 102]. Мы снова вспоминаем о том, что больше не представляем собой чистое Cogito, а значит, способ нашей связи с миром посредством языка и мышления больше не является единственным. Если вместе с М. Мерло-Понти мы отказались от веры в конституирующее сознание и признали нашу телесную связь с миром, то нам нетрудно понять, что действительно существуют и бессловесные связи Я с миром. Есть нечто «не проговариваемое», подобное вышеупомянутому предмету из проволоки, нечто, о чем мы никогда не сможем сказать, что оно такое, но принимаем, что оно наличествует. В таком случае, «молчание», которое должно наступить, можно назвать «осмысленным», в отличие от «бессловесности». Оно наделено смыслом, очеловечено, как и речь, поскольку оно есть выбор позиции. Мы не являлись инициаторами своей заброшенности в этот мир, инициаторами своей природной речевой способности и наличия также «бессловесных» связей с этим миром. Но речь не может длиться бесконечно, постоянно – она всегда прерывается молчанием. Паузы в речи имеют такую же выразительную силу, как и слова. В таком случае можно сказать, что «молчание» о «бессловесном» есть мой осмысленный выбор. Это вовсе не уничтожение «бессловесного», поскольку оно так же невозможно, как и проговаривание «бессловесного». Это смирение по поводу того, что «бессловесные» ситуации моего взаимодействия с миром существуют, и прекращение попыток проговорить «бессловесное».

Таким образом, М. Мерло-Понти напоминает отчасти о периоде детства, когда ребенок еще не говорит, но уже обращается с миром, отчасти о бессилии попыток полного овладения миром, в который мы заброшены. Мир необъятен для нас, но он вызывает нашу направленность к нему, а значит, вызывает нашу интенцию овладения и означивания. Мы стремимся выразить мир, мы осмысляем и очеловечиваем его, мы передаем друг другу смысл. Тем самым мы неразрывно сплетены не только с миром, но и с Другим. Однако «бессловесность» определенных ситуаций, над которыми не властна наша речь, нисколько не отдаляет нас от мира и Другого. Напротив. Мир, а так же Я и Другой в нем всегда суть тайны для меня самого. Я живу с этими тайнами, я не отдаляюсь от них, не становлюсь в ситуацию «вовне», делая их объектом. То, что смысл, выражаемый мной, адресован Другому, связывает меня с Другим. Но то, что есть «бессловесность» взаимодействия с миром, то, что никогда не может быть переадресовано Другому, – точно так же переплетает меня с Другим, ведь и для него оно остается «бессловесным». Таким образом, наши «бессловесные» связи с миром, сознательное молчание о них, наша погруженность в речь, а значит, в культурный мир – все эти аспекты человеческого бытия-в-мире связывают Я с Другим.

С одной стороны, феномен есть способ, каковым вещи являются нашему сознанию; с другой – они являются нашим органам чувств, нашему телу, в том числе. Именно телу, а не сознанию мир является в первую очередь, одновременно с тем, как является миру само тело. Привнося из естественной установки в феноменологию признание неразрывности тела и мышления, М. Мерло-Понти, оставаясь «честным» в своей философии, не мог не сказать о важнейшем пласте человеческих отношений с миром, которые минуют наше сознание или, по крайней мере, ускользают от полного осмысления и, соответственно, заключения в словесную форму. Таково наше отношение с любым «предметом из проволоки», встречающимся на пути нашего тела, и, по сути, всякая вещь может претендовать на подобие этому «предмету», на то, что в ней есть непроговариваемое. Без сомнения, вещь, как и Другой у М. Мерло-Понти, заключает в себе некую тайну и никогда не открывает себя полностью. При встрече с Другим необходимо сделать шаг к нему, преодолеть эту завесу тайны, поверить, что перед тобой подлин-

ный Другой (здесь, разумеется, одним из основных «помощников» человека выступает именно языковая способность). Этот шаг навстречу Другому, несомненно, позволяет вступить с ним в определенные отношения; при наиболее благоприятных обстоятельствах это отношения диалогические. Но, поскольку тело вступает во взаимоотношения с миром и воспекает это мир различными способами, а не только лишь в языке, и поскольку мы признаем, что каждая вещь являет собой определенную тайну, которая никогда не может быть раскрыта, разумно предположить, что человеку следует также делать шаг навстречу вещи. Предположим, что встреча Я и вещи в ситуации признания человеком за вещью «права» на непроговариваемость ведет к особому типу взаимоотношений между человеком и вещью: скажем, не утилитарному отношению субъекта к объекту, а к отношениям некоего молчаливого согласия. Человек в данной ситуации смиряется с наличием в мире непроговариваемого и тайного, и в то же время он осознанно признает за вещью, которая хранит эту тайну, возможность влиять на него, человека, ведь человек есть тело и «весь мир скроен из той же ткани, что и оно». М. Мерло-Понти, таким образом, утверждает постоянное воздействие мира на человека, оказываемое не только со стороны других людей, но и со стороны вещей, которые с утилитарной точки зрения всегда представляют нечто пассивное. М. Мерло-Понти, признавая за вещью тайну, подобную той, что влечет нас к Другому, позволяет вещи «обратиться» к человеку и, соответственно, обращает внимание человека на вещь. Возможно, лишь дети, которые видят в вещах друзей или монстров, и художники, чье отношение к вещи является эстетическим, а не утилитарным, не утратили эту способность – действительно обращать внимание на вещи. Не обладай человек языком и мышлением, не возникло бы таких прочных связей с Другим, не надстраивался бы мир культурный над миром природным. Опыт же, который для самого человека остается во многом непроговоренным и непроговариваемым, невозможно передать Другому. Однако если философия оставит данный опыт за рамками своего исследования, она упустит огромный пласт отношения человека с миром, опыт некоего интимного взаимоотношения с вещью, который действительно нельзя сообщить Другому, но который составляет значительную часть заброшенности в мир.

Заключение

В феноменологии языка М. Мерло-Понти утверждается невозможность работы мышления вне языкового пространства и наличие в воспринимаемом нами мире ситуаций непроговариваемого. Принципиальным для М. Мерло-Понти является указание на то, что молчание является осмысленным как акт признания того, что конечное человеческое сознание, заключенное в рамки физического существования, неспособно проникнуть в глубинные тайны плоти мира и Другого. Таким образом, осознанное молчание как модус использования языка предстает неким актом перемирия между миром и человеком, в своей познавательной активности зачастую ставящем себя в позицию субъекта по отношению к миру и Другому, актом примирения человека со своей судьбой – судьбой заброшенного в мир существа, сознание которого непрестанно пытается вырваться за рамки конечного телесного существования, остающегося, как бы то ни было, не столько «тюрьмой», сколько почвой, из которой произрастают все наши активности (включая познавательную). В способности языка быть неразрывно связанным с Другим и с окружающим миром, являющимся нам, как кажется, извне и полным тайн, немалую роль играет именно молчание как особый модус использования языка. Поэтому исследование данного феномена в рамках феноменологии М. Мерло-Понти следует воспринимать не как некий экзотический экскурс в стороннюю проблематику, но как очередной кирпич в здании феноменологии языка, которая «есть в конечном счете введение к онтологии мира», как писал исследователь и переводчик работ М. Мерло-

Понти на английский язык Дж. О'Нейл [4, р. XXXI]. Специфика понимания молчания у М. Мерло-Понти и онтологическая направленность его работы с данным феноменом отражены сквозь переход от описания его полемики с картезианской традицией в ее не-внимании к единству речи и Cogito к соотнесению ситуаций непроговариваемого и феномена молчания.

Итак, реконструкция такого специального аспекта феноменологии языка М. Мерло-Понти как проблема молчания приводит в конечном счете к онтологии, выстраиваемой М. Мерло-Понти в попытке преодоления субъект-объектной оппозиции в исследовании восприятия и утверждении изначального переплетения я, Другого и мира, воспринимающего и воспринимаемого, молчания и речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерло-Понти, М. О феноменологии языка / М. Мерло-Понти // Знаки. – М., 2001. – С. 95–110.
2. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 605 с.
3. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое / М. Мерло-Понти. – Минск : И. Логвинов, 2006. – 400 с.
4. O'Neill, J. Translator's introduction: language and the voice of philosophy / J. O'Neill // The prose of the world / M. Merleau-Ponty. – London, 1974. – P. XXV–XXVI.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.02.2017

Zhuk K.I. The Problem of Silence in Merleau-Ponty's Phenomenology of Language

For Merleau-Ponty it is crucial to indicate that silence is meaningful, as an act of recognition of the fact that finite human consciousness, being «imprisoned» in physical existence, cannot penetrate into the deepest mysteries of the flesh of the world and the Other. The meaningful silence as a mode of language use appears as an act of reconciliation with the fate of creature that, being put into the world as a mortal body and, at the same time, consciousness, constantly tries to overcome the limits of physical existence. This mortal body remains, however, not as much a «prison», but rather soil, which enables all of our, including cognitive, activities. The specifics of Merleau-Ponty's understanding of silence is demonstrated in the article by transition from describing his polemic with Cartesian tradition, which stayed ignorant towards unity of speech and Cogito, to correlating the situations of «unspeakable» and the phenomenon of silence. It leads us towards ontology of the world, which Merleau-Ponty articulates in his attempts to overcome the subject-object opposition and to claim the initial intertwining of I, the Other and the world, the perceiver and the perceived, silence and speech.